

Линь Фань бросил взгляд на женщину:

— Говорите вежливо, обсуждаем дело. Мы выполняем служебные обязанности, кто тут с вами время теряет?

Женщина широко раскрыла глаза:

— Вы что, шутите, господин полицейский? С утра пораньше в больнице выполняете служебные обязанности? Не заставляйте нас, маленьких налогоплательщиков, говорить, что вы используете служебную машину в личных целях, ладно? Быстрее платите, у нас действительно нет времени с вами тут торчать.

Линь Фань, услышав это, тоже достал сигарету, не спеша закурил и, как и Фу Синьдун, прислонился к машине, выпуская клубы дыма.

— Вы...

Женщина протянула палец, собираясь продолжить спор с этими двумя мрачными мужчинами, но заднее окно Porsche опустилось, и из него показалось мужское лицо.

— Сестрица Цзэн, стоит ли из-за такой мелочи с ними спорить? За то время, что ты тратишь на эти копейки, можно заработать на нескольких машинах. Садись в машину!

Фу Синьдун и Линь Фань обратили внимание на холодный и низкий голос мужчины.

Окно опустилось наполовину, и стало видно только верхнюю часть лица мужчины. Его холодный и отстранённый взгляд словно прошёл сквозь Фу Синьдуна и Линь Фаня, пустой и прямой.

Фу Синьдун почувствовал странное сердцебиение. Неожиданно он узнал лицо — это был Е Гуйчжоу, но окно скрывало его губы, и, на первый взгляд, это мог быть и мужчина по имени Ло Си.

Холодный взгляд Е Гуйчжоу встретился с взглядами полицейских, задержался на мгновение, а затем окно быстро поднялось.

Женщина, которую Е Гуйчжоу называл сестрицей Цзэн, недовольно пробормотала, бросила на Фу Синьдуна и Линь Фаня злобный взгляд и села в машину вместе с водителем.

Линь Фань следил за Porsche, пока тот не исчез за поворотом, затем потушил сигарету, которая незаметно догорела до конца.

Фу Синьдун обошёл машину, посмотрел на повреждённый задний бампер и пнул колесо:

— Хех, твоя развалина Чжунхуа тоже ничего, задницей поцеловала Porsche большой звезды!

Линь Фань удивился:

— Когда ты стал фанатом звёзд? Узнаёшь их? Это тот певец или актёр по фамилии Е? Красивый парень, но что он делает в больнице так рано? Неужели тоже в психиатрическое отделение?

Фу Синьдун сел за руль:

— Кто знает? Такой красивый Porsche, а он даже не расстроился, что его задели. Может, и

правда с головой не всё в порядке.

Линь Фань сел рядом:

— Ты же знаешь, шеф, всё может быть.

Машина ехала некоторое время, Линь Фань, скрестив руки, задумался, а затем повернулся:

— Звёзды, блин, богатые. Даже компенсацию не потребовали, как будто мы им должны.

Фу Синьдун фыркнул:

— Твоя машина, если чувствуешь себя обязанным, можешь и отдать.

Линь Фань промолчал.

Машина подъехала к перекрёстку недалеко от городского управления полиции Цзинбэя. Загорелся красный сигнал светофора.

Фу Синьдун, молчавший почти всю дорогу, вдруг повернулся:

— Ты сказал, что тот парень по фамилии Е красивый?

Линь Фань посмотрел на него искоса:

— Ну да. А что?

Фу Синьдун, кажется, что-то вспомнил, и в его глазах, смотрящих на светофор, мелькнула улыбка:

— Не зря богатые любят звёзд. Они и правда другие. Некоторые не только красивые, но и пахнут приятно. Завораживает!

Линь Фань чуть не уткнулся лицом в Фу Синьдуна:

— Что за приятный запах? Шеф... ты в порядке? После поездки на Хуаншань ты стал каким-то странным. Может, в горах встретил лису-оборотня, которая тысячу лет практиковала культивацию?

— Хм, если бы лиса-оборотень попала ко мне в руки, я бы её приручил!

Фу Синьдун нажал на газ, и полицейская машина умчалась к воротам управления полиции.

Глубокой ночью.

Е Гуйчжоу лениво растянулся на диване в гостиной, рассеянно переключая каналы на пульте.

Когда сигнал переключился на один из городских каналов, его рука вдруг остановилась. На экране появилось лицо пожилого мужчины, мрачное и уставшее.

Кажется, он нашёл что-то интересное, слегка наклонившись вперёд.

Это был очень популярный в конце прошлого года фильм ужасов и триллер «Охота за желанием», где он сыграл главную роль. В двадцать три года он сыграл мужчину за шестьдесят, что вызвало большой ажиотаж и обсуждения.

На экране было его лицо, но состаренное гримом.

Е Гуйчжоу смотрел на это лицо, словно перенёсшееся через время, наблюдая, как его персонаж идёт в ночи. Когда в фильме заиграла музыка, за окном поднялся ветер, и он вдруг почувствовал непреодолимую усталость.

Неизвестно, было ли это на экране или во сне, но этот шатающийся старик, казалось, ушёл уже далеко, настолько далеко, что он оказался в каком-то старом жилом районе, где, кажется, никогда не бывал.

Небо было чёрным, как дно котла, без единой звезды или луны. Ветер усиливался, почти заглушая шаги по дорожке. Рядом внезапно проскочила ночная кошка, он испугался, отмахнулся, и заметил, что на его руках были чёрные перчатки.

Он хотел протереть лоб, но заметил, что из одного подъезда вышла женщина.

Глаза, привыкшие к темноте, разглядели её. Ей было около сорока, лицо было покрыто дешёвой косметикой, которая уже растекалась, словно снег, по которому прошлишь.

Её полное тело двигалось в полувысоких туфлях, и по размаху движений бёдер было понятно, что она не стеснялась демонстрировать свои достоинства.

— Старый козёл, два часа работала, а добавил только двадцать юаней. Чёрт бы его побрал!

Женщина продолжала ругаться, открыла сумочку, достала две купюры, которые были засунуты в лифчик, и порылась в ней:

— Чёртов старик, пудреницу забыла у него!

Она обернулась, посмотрела на старый дом без лифта, видимо, решив, что подниматься слишком высоко, и пробормотала:

— У этого старика похоть неумная, через три дня снова прибежит, тогда и заберу.

Женщина исчезла в темноте, оставив после себя резкий запах духов.

В тёмном углу он наблюдал за её уходом, опустил руку, которой закрывал нос, и посмотрел на верхний этаж, где горел тусклый свет.

Он бесшумно вошёл в подъезд, задержавшись в углу. Чёрные кроссовки были надеты на чёрные носки, чёрная маска скрывала его лицо, а глаза загорелись возбуждением. В темноте только лезвие ножа в чёрной перчатке светилось холодным синим светом.

Он быстро поднялся по лестнице, что не соответствовало его старческому виду.

На последнем этаже он глубоко вдохнул и тихо постучал.

Изнутри не последовало вопроса, но он услышал шлёпанье тапочек по плитке, приближающихся к двери. Видимо, подумали, что это та женщина вернулась за забытой вещью, и не ожидали подвоха.

Он тоже не был удивлён, его глаза медленно сузились.

Дверь открылась, и чёрная перчатка мгновенно закрыла испуганный рот.

Дешёвая пудреница упала на пол, рассыпавшись белыми осколками, смешавшись с кровью, струящейся из перерезанной артерии, быстро теряя свою белизну.

Ноги, покрытые волосами, дёргались на полу, как у только что зарезанного цыплёнка.

Холодное лезвие медленно подошло к промежности, разделило и резко ударило.

В слегка прищуренных глазах, казалось, мелькнули острые зубы дикой собаки.

За окном ночь была такой густой, словно это была чёрная кровь на земле или кошмар потерянной души.

Когда Е Гуйчжоу проснулся от диких криков, похожих на вой собаки, он обнаружил, что странным образом оказался в своей спальне, весь в холодном поту.

<http://bllate.org/book/16694/1532790>